

V. Mattes. Types of reduplication. A case study of Bikol. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. 210 p. (Studia Typologica 16). ISBN 978-3-11-036297-8.

Федор Иванович Рожанский

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; Тартуский университет, Тарту, 50090, Эстония
handarey@yandex.ru

Fedor I. Rozhanskiy

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia; University of Tartu, Tartu, 50090, Estonia
handarey@yandex.ru

Хотя первая монография, целиком посвященная редупликации, была издана еще в середине XIX в. [Pott 1862], долгое время редупликация воспринималась исследователями как явление, относящееся к периферии грамматики. Лишь во второй половине XX в. на фоне возросшего интереса к так называемым «экзотическим» языкам редупликация оказалась в центре внимания многих исследований. К настоящему времени количество публикаций, посвященных редупликации, исчисляется тысячами (см. [Bibliography 2014]). Тем не менее монография В. Маттес, которой посвящена данная рецензия, не является просто «еще одной» публикацией на данную тему. Большинство работ по редупликации либо ориентировано на теоретический и/или типологический подход и, соответственно, содержит лишь отдельные примеры из разных языков, либо посвящено конкретному языку без серьезного анализа теоретических проблем устройства редупликации. Рецензируемая монография представляет собой отличный от перечисленных жанр: это детальное и всеобъемлющее исследование редупликации в одном языке, полностью интегрированное в теоретико-типологический контекст.

Следует сразу заметить, что выбор языка для исследования, несомненно, удачен: бикольский язык, один из центрально-филиппинских языков австронезийской семьи, демонстрирует большое разнообразие форм и функций редупликации и, как будет показано ниже, сталкивает исследователя практически со всеми теоретическими проблемами, касающимися редупликации. Указанный жанр исследования определяет структуру книги. Сначала дается очерк бикольского языка, включающий в себя необходимые читателю сведения по фонологии, морфонологии, просодии, лексике и морфосинтаксису. Затем проводится краткий обзор редупликации как языкового механизма, где рассматриваются достижения предшествующих исследователей, производится классификация формальных и функциональных типов редупликации и определяется объект исследования. После этого автор переходит к разбору языкового материала: продуктивной редупликации (как частичной, так и полной) и лексической (т. е. непродуктивной) редупликации. Завершается работа суммированием сделанных выводов. Приложения к монографии содержат немало полезной информации: обзор корпуса текстов, использованного как источник материала, примеры редуплицированных форм разного типа, обширную библиографию и ряд индексов (именной, языковой и тематической).

Центральным разделом исследования является глава о продуктивной редупликации. Автор выделяет в бикольском следующие типы редупликации:

— редупликация, выражающая имперфективный вид предиката или лимитативное значение числительного и образуемая посредством повтора CV кластера: *nag-tu-turog* ‘Он(а) спит’, *tu-tulo* ‘(только) ровно три’;

— множественность участников действия или референтов, выражаемая кластером St (где второй сегмент всегда одинаковый) или же повтором CV кластера: *nag-k{ar-}aon* ‘Они едят’, *ma-ga-gayon sinda* ‘Они красивые’;

— множественность (дистрибутивность, итеративность, репетитивность и т. д.) или диминутивность (аттенуативность, имитативность и пр.), выражаемая либо полной редупликацией, либо кластером *Curu* (в котором только первый сегмент является копией согласного): *balik-balik* ‘приходить-уходить’, *huru-harong* ‘домик’;

— интенсивность, выражаемая полной редупликацией: *mahal-mahal* ‘очень дорогой’.

Для каждого типа редупликации подробно описывается специфика образования и проводится анализ значений. Также автор сопоставляет имеющийся бикольский материал с данными близкородственных языков и производит базовый диахронический анализ.

Как уже было сказано, анализируемый материал примечателен тем, что он выявляет практически все основные проблемы, характерные для редупликации в целом. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Первый вопрос касается места редупликации в системе языка. Как верно замечает автор монографии (с. 30—34), редупликация связана с разными языковыми уровнями. Исследования, выполненные в рамках генеративной парадигмы, рассматривают редупликацию как фонологическое явление, некоторые же другие работы (например, [Inkelas, Zoll 2005]) говорят о редупликации как о морфологическом феномене. Из описания и анализа бикольского материала видно, что автор использует скорее «морфологический» подход. Заметим, однако, что выбор уровня является лишь одной частью проблемы. Даже если считать редупликацию морфологическим явлением, остается открытым вопрос, имеем ли мы дело с морфемой, операцией или каким-то другим феноменом. Хотя автор монографии не концентрирует свое внимание на этом вопросе, приводимый материал является прекрасной его иллюстрацией: формы типа *b{ar-}ayle* ‘танец (нескольких человек)’ (от *bayle* ‘танец’), где согласный сегмент редупликанта является постоянным (reduplicant with «fixed segmentism»), а гласный копирует первый гласный корня, формально могут интерпретироваться и как редупликация, и как обычная морфема с уподоблением сегмента (ср., например, с финской формой иллатива, где гласный показателя определяется гласным основы: *maa* ‘земля’ — *maa-han* ‘земля-ILL’, *suo* ‘болото’ — *suo-hon* ‘болото-ILL’). В случае бикольского на помощь приходит семантический критерий: значение множественности типично для редупликации. Однако обсуждаемая на с. 60—67 гипотеза о происхождении рассматриваемого аффикса от имеющего постоянный сегментный состав протомалайско-полинезийского инфикса {*ar*}, скорее, является аргументом в пользу противоположной интерпретации. Таким образом, бикольский материал наглядно демонстрирует, насколько эфемерной может оказаться интерпретация формы как редуплицированной.

Другой проблемой, типичной для редупликации, является отсутствие однозначно прогнозируемой семантики. Прежде всего это касается полной редупликации. Автор отмечает (с. 88): «Редупликация не может ассоциироваться только с одним определенным значением, которое просто добавляется к значению исходной формы. Скорее, это взаимодействие лексического значения исходной формы и общего механизма редупликации, вызывающего количественные изменения по отношению к количеству, изначально присущему нередуплицированной лексеме». При этом количественная семантика может выражаться по-разному. Особенно обращает на себя внимание существование омонимичных форм с противоположной семантикой. Так, образованная от слова *dangog* ‘слышать’ редуплицированная форма *dangog-dangog* означает либо ‘слышать очень четко’, либо ‘услышать из сплетен’, а образованная от (*h*)*aloy* ‘длительный промежуток времени’ форма (*h*)*aloy-(h)aloy* означает либо ‘очень долгий’, либо ‘довольно короткий промежуток времени’.

Проблема омонимии и полисемии связана с другой, пожалуй, наиболее болезненной проблемой, каковой является вопрос об иконичности редупликации и иерархии ее значений. Этому вопросу в монографии уделяется особенно много внимания. Автор анализирует подходы предшествующих исследователей ([Regier 1998; Fischer 2011; Kouwenberg, LaCharité 2005] и др.) и предлагает свою систему значений (с. 95), ориентированную на бикольский материал. Как и все предшествующие попытки структурировать значения редупликации, эта система оставляет открытым ряд вопросов. В частности, непонятно, почему диминутивность оказывается производным значением от дистрибутивности. По всей видимости, тут автор лишь следовал идее (по нашему мнению, крайне спорной), высказанной в [Kouwenberg, LaCharité 2005]. В свою очередь от диминутивности производной оказывается имитативность, что тоже является, по меньшей мере, неочевидным моментом. С нашей точки зрения, приведенный материал свидетельствует, скорее, в пользу концепции,

постулирующей идею неполного подобия (которой определяется имитативность и, отчасти, диминутивность) как один из двух паттернов иконической семантики редупликации (подробнее см. [Рожанский 2011]).

Следующей проблемой, которая затрагивается в исследовании, становится вопрос о редуплицированных формах, не имеющих исходного нередуплицированного коррелята. Как верно замечает автор, многие исследователи не включали такие формы в область своих исследований. К этому можно добавить, что часто таким формам вообще было отказано в праве считаться редупликацией. С нашей точки зрения, причиной этого было неудобство таких форм для исследователя: во-первых, они требуют принимать непростые решения о том, когда форму следует считать редуплицированной, а когда содержащей случайно повторенную последовательность фонем. Во-вторых, они принципиально затрудняют исследование семантики: не имея возможности сопоставить значение редуплицированной формы с нередуплицированной, исследователь не может уверенно сказать, какая часть семантики обусловлена повтором, а какая лексическим значением основы. Однако именно анализ языковых данных приводит к необходимости рассматривать и те формы, которые не имеют нередуплицированного коррелята. В рецензируемой монографии автор делает достаточно четкий вывод: «Я буду анализировать как продуктивную, так и непродуктивную редупликацию, поскольку хочу подчеркнуть, что непродуктивная редупликация в лексике языка биколь, и вероятно в целом, имеет очень систематическую структуру — это наблюдение, которому до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. <...> Анализ бикольской редупликации покажет, что лексическая и продуктивная, грамматическая и экстраграмматическая редупликации имеют немало сходств. Таким образом, я считаю, что каждая из них должна занять свое место в общем типологическом учении и быть включена в универсальное представление о редупликации» (с. 33).

Хотя раздел, посвященный лексической редупликации, заметно меньше по объему, чем раздел, описывающий продуктивную редупликацию, сам факт его появления в книге является исключительно важным. Лексическая редупликация крайне редко рассматривается в работах по редупликации, притом что она в том или ином виде встречается в большинстве языков, а во многих языках свойственна существенной части лексики (так, в словаре бикольского языка [Mintz, Del Rosario Britanico 1985] автор монографии обнаружил около 1 000 редуплицированных лексем). В. Маттес выделяет несколько структурных типов бикольской лексической редупликации: с двусложными корнями (значения: гипокористическое, табуированные слова, звуки и движения, животные, растения и пр.), частичная (значения: части тела, животные, растения, болезни, движения), полная (значения: звуки и движения, множественность) и «эхо-слова» (значения: звуки и движения, свойства поверхности). Для анализа семантики лексической редупликации автор использует систему классов экспрессивных слов, представленную в [Klamer 2001], а именно SENSE (чувства), NAME (названия) и BAD (отрицательные характеристики), добавляя к ней новую группу MOVEMENT & PLURALITY (движения и множественность). С нашей точки зрения, такой подход к анализу семантики лексической редупликации не слишком удачен: во-первых, под каждую семантическую категорию может попасть множество разных лексем, в том числе не содержащих редупликации, во-вторых, указанные классы слишком общие и могут пересекаться друг с другом (так, например, название животного, вызывающего неприятные эмоции, — допустим, сколопендры, — вполне может претендовать на включение в класс BAD наряду с классом NAME). Более продуктивным подходом, с нашей точки зрения, было бы выделение различных семантических классов лексем (животные, растения, походки, болезни и т. д.) и описание свойств, которыми обладают редуплицированные лексемы каждого класса (т. е. построение утверждений такого типа: «Среди болезней редуплицированными оказываются те, которые...»). Однако следует признать, что на данный момент не существует разработанного теоретического аппарата для описания лексической редупликации. В такой ситуации

особенно полезным оказывается список редулицированных лексем бикольского языка, приводимый автором в приложении.

В целом монография производит впечатление очень глубокого и компетентного исследования. Большинство утверждений автора не вызывает никаких сомнений. Однако иногда встречаются и спорные утверждения.

Так, например, на с. 68, обсуждая варианты морфонологической структуры бикольских словоформ с внутренним редуликантом, автор отмечает, что «в словоформах, которые содержат аспектуальный и числовой показатель, аспектуальный показатель ближе к периферии» и объясняет этот факт через иконичность, поскольку «маркирование множественности приводит к более существенным изменениям значения корня, чем видовое маркирование». Такое утверждение как минимум спорно и требует доказательств. Если же понимать множественность в широком смысле и учитывать материал языков, где число является одной из глагольных категорий, то верным, скорее, будет обратное утверждение (ср., например, с русским языком, в котором на периферии оказывается именно числовой показатель: *Он разбил* vs. *Они разбили* vs. *Они разбивали*).

Иногда неочевидной оказывается интерпретация примеров. Так, остается непонятным, почему приведенный на с. 34 пример *Pagal-on-on* ‘Я очень-очень уставший’ — это именно рекурсивная редуликация, такая же как в немецком *Ur-ur-großmutter* ‘прапрабабушка’. Такую форму можно рассматривать не только как (*pagal-on*)-*on*, но и как *pagal*-(*on-on*), когда имеет место повтор суффикса, а не рекурсия. Для разграничения рекурсивной редуликации и редуликации аффикса, как правило, используется семантический критерий, но в данном случае он не позволяет сделать однозначный вывод, и требуется привлечение каких-либо других аргументов.

В отдельных случаях могут возникать сомнения в том, насколько удачна используемая автором терминология. Так, в основе разделения редуликации на продуктивную и непродуктивную (она же лексическая) лежит в первую очередь наличие или отсутствие нередулицированного коррелята, а не продуктивность как таковая. Использование термина «эхо-слова» («echo-words») для одного из классов лексической редуликации не совсем удачно, поскольку под этим термином чаще подразумевается продуктивная модель образования редулицированных форм с заменой сегмента в определенной позиции на некоторый фиксированный сегмент (уникальный или выбираемый из нескольких вариантов). Слова, которые описываются под данным названием в монографии, демонстрируют несколько отличные свойства: различие сегментов двух частей редулицированного слова наблюдается в разных позициях и показывает двустороннюю зависимость между частями. Это позволяет предположить, что мы имеем дело не столько с эхо-словами, сколько с системой редулицированных идеофонов, для которых всегда характерно объединяться в структурно схожие группы и использовать определенные модели дивергенции между частями редулицированного слова.

Все же в рецензируемой монографии количество таких шероховатостей значительно меньше, чем количество интересных примеров и наблюдений. Приведем пример такого наблюдения, который касается социолингвистического аспекта редуликации. Отмечая сокращающуюся частотность в употреблении форм лексической редуликации в современном бикольском языке (с. 41—42), автор приводит мнение носителей языка: «Филиппинские носители языка считают свои слова “слишком длинными” и “слишком сложными для произношения”, а следовательно, и “старомодными”». Этот факт, несомненно, является важным для понимания процесса исчезновения и развития редуликации, которая во многих языках оказывается довольно неустойчивым грамматическим механизмом.

Резюмируя, можно сказать, что данная монография — это не только интереснейшее исследование, сделанное на материале малоизученного языка, но и прекрасная иллюстрация того, что представляет собой редуликация в целом. Вполне вероятно, что исследователь, желающий понять, как работает редуликация в качестве языкового механизма, узнает больше из этой книги, чем из общепризнанных теоретических трудов по редуликации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Рожанский 2011 — Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. [Rozhanskiy F. *Reduplication. A typological survey*. Moscow: Znak, 2011.]
- Bibliography 2014 — <http://reduplication.uni-graz.at/>, accessed 01.12.2014.
- Fischer 2011 — Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language. *Semblance and Signification*. Michelucci P., Fischer O., Ljungberg C. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Inkelas, Zoll 2005 — Inkelas S., Zoll C. *Reduplication. Doubling in morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Klamer 2001 — Klamer M. Expressives and iconicity in the lexicon. *Ideophones*. Voeltz E. F. K., Kilian-Hatz C. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Kouwenberg, LaCharité 2005 — Kouwenberg S., LaCharité D. Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean Creole languages. *Studies on Reduplication*. Hurch B. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Mintz, Del Rosario Britanico 1985 — Mintz M. W., Del Rosario Britanico J. *Bikol-English dictionary. diksionariong bikol-inglés*. Quezon City: New Day Publishers, 1985.
- Pott 1862 — Pott A. F. *Doppelung (Reduplikation, Geminatio) als eines der wichtigsten Bildungsmittel der Sprache, beleuchtet aus Sprachen aller Welttheile*. Lemgo & Detmold, 1862.
- Regier 1998 — Regier T. Reduplication and the arbitrariness of the sign. *Proceedings of the Twentieth annual conference of the cognitive science society*. Gernsbacher M. A., Derry S. J. (eds). Mahwah (NJ): Erlbaum, 1998.